

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Р83

Художник Маргарита Чечулина (Greta Berlin)

Рудашевский, Евгений.

Р83 Город Солнца : Кн. 2. Стопа бога : [для ст. шк. возраста : 12+] / Евгений Рудашевский ; [худож. Маргарита Чечулина (Greta Berlin)]. — М. : КомпасГид, 2019. — 352 с. : ил.
ISBN 978-5-00083-445-9

Всё началось с непримечательной картины — и кто бы мог подумать, что она приведёт Максима в Индию? Полотно Александра Берга «Особняк на Пречистенке» стало для 19-летнего героя дверью в мир бесконечных загадок и шифров — мир, построенный его исчезнувшим семь лет назад отцом. К отцу у юноши много вопросов, но как их наконец задать, если каждый следующий шаг ничуть не приближает к долгожданной встрече?

Здесь, в глухой индийской провинции, герою предстоит разобраться с новой зацепкой — книгой Томмазо Кампанеллы «Город Солнца». Отцовские намёки почему-то ведут именно к потрёпанному экземпляру этой старинной утопии. Максиму помогут разобраться друзья Дима и Аня, отправившиеся вслед за ним. Но помогут ли? Кажется, доверять в этом затянувшемся путешествии нельзя вообще никому...

Вторая часть приключенческой серии «Город Солнца» соединяет в себе детектив, семейную сагу и триллер. Евгений Рудашевский развивает историю студента-журналиста Максима самым непредсказуемым образом, включая в неё всё то, в чём прекрасно разбирается сам: исторический и этнографический контекст, головоломки и криптограммы, тончайшие нюансы человеческой психологии.

Тетралогия «Город солнца» — это авантюрно-детективная эпопея с двойным дном, главные герои которой впервые по-настоящему сталкиваются с миром взрослых во всём его порой неприятном, а порой изумительном многообразии.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-445-9 (Кн. 2)
ISBN 978-5-00083-531-9 (многотомник)

© Рудашевский Е. В., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

In angello cum libello

Лиши их благоденствия и крова —
Пусть жизнь в лицо посмотрит им сурово,
А то уж чересчур спокойствием полны,
Бенгалия, сейчас твои сыны!..
Бенгальцами ты вырастила их,
Но нет борцов среди сынов твоих!

Рабиндранат Тагор

...всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Владимир Соловьёв

Глава первая. АУРОВИЛЬ

Салли запутался. Не понимал, что удерживает его в Ауровиле: страх, желание отомстить или слепое отчаяние. Прошло почти семь лет. Две тысячи четыреста сорок восемь дней непрерывного ожидания, каждый из которых был старательно перечёркнут красным маркером на календаре— навсегда и безрезультатно вымаран из его, Салли, жизни.

Он мог сбежать. Первое время за ним следили — назойливо, неотступно. Проверяли каждый его шаг. Салли даже в магазин ходил под надзором. В городке работали подставные охранники, уборщики, продавцы. На деревьях висели скрытые камеры, телефоны прослушивались. Но за последние годы всё как-то успокоилось. Никаких звонков, никаких допросов. Из всех скрытых надзирателей в Ауровиле остался Баникантха, который, как и Салли, теперь работал в Гостевом центре. Ничто не мешало тайком собрать вещи и улететь куда-нибудь подальше — спрятаться в глуши и там начать новую жизнь. Но Салли остался на месте.

— Пора запускать, — не повернув головы, сказал Баникантха.

Одетый в хлопковые чёрные брюки и синюю долгополую рубашку, индеец стоял возле окна. Смотрел вниз, на собравшихся у кафе туристов, и сочно жевал неизменную бетелевую жвачку. Омерзительная и не самая здоровая привычка.

— Рано, — глухо ответил Салли.

Баникантха сплюнул из окна густой бордовой слюной. Проследил за тем, как она пролилась на цветочную клумбу, и с игривой интонацией заметил:

— Люди ждут.

Салли с отвращением отвернулся. Научился сдерживать себя. Раньше кричал на индийца, угрожал ему. А теперь знал, что Баникантху ничем не пронять. Что бы ни происходило, тот оставался

невозмутим. Только начинал активнее жевать жвачку и чаще сплёвывать, что ещё больше злило Салли.

Без двадцати два. Индеец был прав, двери следовало открыть, но Салли не торопился. Прошёлся по офису, окинул взглядом его скудную обстановку: три простеньких стола, белые пластиковые стулья, крапчатые шторы на окнах, два шкафа из дешёвой древесины и, конечно, большой календарь с портретом Мирры Альфассы, основательницы Ауровиля.

«Город рассвета». «Обитель надежды». Первое здание здесь возвели в середине шестидесятых. Мирра Альфасса, ученица йога Шри Ауробиндо, которую чаще называли просто Мать, тогда заявила, что Ауровиль — «последняя надежда на спасение от надвигающейся катастрофы». Она установила в своём городке равенство людей вне зависимости от цвета кожи, веры и убеждений, и сюда действительно устремились поселенцы со всего мира — те из них, кто хотел принять участие в одобренном индийским правительством эксперименте по созданию идеального города.

«Ауровиль — убежище для тех, кто хочет двигаться навстречу знанию, миру и единству». «Ауровиль должен стать всемирным городом, где мужчины и женщины всех стран смогут жить в гармонии». «В Ауровиле нет законов, налогов, полиции. Только совместная работа и совместное развитие. Бесплатные еда, образование и возможность совершенствоваться в любом из выбранных направлений». Салли заучил эти отрывки из книг Альфассы, часто повторял их новичкам — тем, кто приехал в Ауровиль из любопытства, и тем, кто задумал остаться здесь навсегда. Её книги продавались по всему городку: поучения, катехизисы, сборники цитат и отдельные манифесты. Альфасса объясняла своим последователям, как правильно питаться, заниматься йогой, воспитывать детей, думать, расслабляться...

— Чёртовы сектанты, — скривился Салли и достал из стола список хостелов. — Запускай!

Баникантха не отреагировал. Он никогда не спешил выполнять поручения, и Салли к этому привык. Они с индийцем так и жили — в упрямом молчаливом соперничестве, будто не могли определить, кто из них главный.

Салли начал без необходимости просматривать другие папки. Среди них была красная — с бланками для тех, кто хотел стать постоянным жителем Ауровиля. Ни одного бланка за последние четыре месяца Салли не использовал. Теперь сюда приезжали только туристы. Когда-то в Ауровиле ютились американские, немецкие, французские хиппи и прочие «дети цветов», а теперь на две тысячи жителей тут едва ли сотни три белокожих, из которых бóльшая часть переехала в Индию ещё в девяностые. В основном женщины лет пятидесяти. Из молодых — только те, кто здесь же и родился. Остальные — индийцы. Этих тут предостаточно. И молодых, и старых.

Мягко щёлкнул дверной затвор. Баникантха наконец открыл дверь. Новички один за другим вошли внутрь. Неуверенно осмотрелись — наверняка ждали, что Салли им улыбнётся или как-то иначе проявит радушие. Но Салли уже давно не улыбался приезжим.

Девять человек с рюкзаками и чемоданами. Негусто. Их перешёптывание заглушал лёгкий гул потолочных вентиляторов и двух системных блоков. Баникантха сел за ближайший стол, а его место возле окна тут же занял один из новичков — уселся на подоконник и со скучающим видом уставился в пол. «Ещё один умник. Как будто стульев мало».

— Добро пожаловать. — Салли провёл платком по влажной шее. Днём жара становилась невыносимой.

Когда все расселись, Салли без предисловий перешёл к рассказу о том, как устроена работа Гостевого центра и всех учреждений, расположенных на его территории. Затем торопливо, толком ни на кого не глядя, начал перечислять общие правила поведения в Ауровиле:

— Ничего не давайте попрошайкам. От них потом не отделаться, будут съезжаться сюда толпами, а нам этого не надо. Старайтесь обращаться только к тем массажистам и учителям йоги, которые официально работают в наших терапевтических центрах, иначе рискуете нарваться на проходимцев. Любые виды наркотиков в Ауровиле запрещены. Алкоголь здесь также не приветствуется, и приобрести его на территории городка вы не сможете.

Монотонное повторение одних и тех же слов. Салли иногда развлекался — пробовал попутно, не прерывая речь, решать про себя

задачи на умножение или деление. Углубившись в подсчёты, потом вздрагивал и с привычным удовлетворением признавался себе, что продолжает связно и последовательно перечислять неизменные пункты.

— Некоторые из местных индийцев, в том числе дети, предлагают сомнительные услуги. Настоятельно рекомендуем воздерживаться от них.

Салли без интереса осмотрел новичков. Кажется, их забавляли его нотации. Семеро белых и двое темнокожих. Все в лёгкой европейской одежде. Мужчины и женщины.

— Девушки в Индии одеваются скромно, почти полностью скрывают тело, даже ноги. Вам рекомендуется поступать так же, чтобы не подавать ложные знаки окружающим. Это касается и посещений пляжа, где предпочтительно использовать закрытые купальники.

Салли с недовольством взглянул на молодого белокожего новичка, сейчас разместившегося на подоконнике; невольно задержал на нём взгляд. Парню было не больше двадцати лет. Самый обычный. Таких тут за лето проезжает не меньше сотни. И всё же что-то в нём привлекло внимание Салли, и он пока не мог понять, что именно.

— Публичные проявления чувств не приветствуются. Держаться за руки, целоваться или обниматься — всего этого лучше избегать.

Парень был в джинсах и белой футболке с V-образным вырезом. Из-под коричневой кепки торчали каштановые волосы, на щеках едва наметилась щетина. Солнце припекало через стекло, и лоб у новичка покрылся испариной, однако он предпочитал сидеть именно на подоконнике. «Что же в тебе такого?» — спрашивал себя Салли и чувствовал, как странное, необъяснимое волнение с каждым мгновением нарастает.

— Насилие на дорогах Ауровиля участилось. Всё больше женщин становятся жертвами домогательств. В нашем Центре здоровья открыта Служба женской безопасности, при необходимости обращайтесь туда.

Парень теперь сидел с закрытыми глазами. Речь Салли его не заинтересовала, он просто ждал возможности зарегистрироваться

в одном из гостевых домов. Рядом с новичком лежал брезентовый однолямочный рюкзак. Больше никаких вещей. Приехал налегке.

— Не ходите без сопровождения в тёмное время суток. Это касается и мужчин. Оставляйте ценности в сейфе. Следите за состоянием вашего мопеда. Перед выездом убедитесь, что в нём достаточно бензина. И внимательно следите за тем, кто вас окружает... Насилие на дорогах Ауравиля участилось.

Салли не отрываясь смотрел на новичка. Другие приезжие заметили это. Наверняка решили, что Салли недоволен его пренебрежением. Хорошо, пусть так и думают.

— Если вы не уверены в собственной безопасности, звоните нашим волонтерам, они бесплатно сопровождают вас по любому маршруту в Ауравиле. Услуга доступна с шести до десяти часов вечера.

Теперь даже Баникантха заметил настойчивый взгляд Салли. Перестал жевать бетелевую жвачку и застыл, пытаясь понять, что в этом парне особенного. Затем вопросительно посмотрел на Салли. Значит, догадался. Трудно не догадаться.

— Если к вам приближается незнакомец, вызывающий подозрение, постарайтесь перейти в людное место. Не стесняйтесь кричать, свистеть и вообще шуметь как можно громче. Постарайтесь сфотографировать незнакомца.

Всё же Салли не был уверен. Парень вполне мог оказаться каким-нибудь бельгийцем или французом. Оставалось подождать его очереди, заглянуть к нему в паспорт. Если только он не приехал сюда с фальшивыми документами.

— Вы уже в третий раз об этом говорите! — неожиданно возмутилась одна из женщин.

— Что? — Салли нахмурился.

— «Насилие на дорогах Ауравиля участилось». Вы уже три раза об этом сказали! Неужели всё так плохо?

Салли растерянно улыбнулся.

— Нет, вам просто...

Не мог вспомнить, на каком пункте остановился. Запутался впервые за все эти годы и теперь нервно царапал ногтями шероховатую кромку стола.

— Всё в порядке, — ответил Салли и тут же перешёл к последним формальностям, больше не желая твердить стандартный список правил и предостережений.

Должно быть, его голос выдал волнение, потому что парень на подоконнике открыл глаза. Салли отвёл взгляд. Заставил себя смотреть на собственные руки и сбивчиво объявил о необходимости внести депозит в пятьсот рупий.

— Здесь всё готово для нормальной жизни. Детский сад, школа, поликлиника, исследовательский центр и... всё остальное. Чтобы воспользоваться Солнечной кухней, общим интернетом и... вам нужно оформить карточку постоянного жителя. Её выдают только после недельного проживания, а пока будете расплачиваться наличными. — Салли торопился. Говорил сбивчиво, и чем больше путался, тем сильнее злился.

Новички теперь шептались ещё громче. Салли захотелось ударить кулаком по столешнице, потребовать полной тишины, однако он сдержался. Раздражал даже стрёкот потолочных вентиляторов. И чавканье Баникантхи. И смех из кафе на первом этаже.

— Если задумаете переехать в Ауровиль, обращайтесь ко мне. Но учтите, у вас должно быть достаточно средств, чтобы первые годы существовать самостоятельно. Нужно время освоиться, да... Тут каждый находит себе дело. Кто-то шьёт одежду, кто-то выпаривает ароматические масла, открывает тату-салоны и салоны массажа, обучает приезжих сёрфингу и йоге, занимается сельским хозяйством...

Салли забыл сказать что-то важное — из того, что раньше всегда говорил новичкам. У него даже имелось наготове несколько шуток, но сейчас его интересовал только парень на подоконнике, кем бы он, чёрт возьми, ни оказался.

— Всё! — чересчур громко сказал Салли. Ему было наплевать, что о нём подумают. — Начинаем регистрацию. Подходите.

Новички садились за его стол, просматривали список хостелов, изучали цены и карту Ауровиля, а парень словно издевался над Салли — по-прежнему сидел на подоконнике, явно готовился идти последним. «Пусть так. Никуда не денешься».

Новички до тошноты долго расспрашивали о внутреннем распорядке, о работе магазинов. Затем с надоедливой дотошностью разглядывали бесплатный билет на смотровую площадку перед Матриманди́ром — храмом, расположенным в центре городка, — и спрашивали, как записаться в зал для медитаций.

Женщина, напуганная трижды упомянутым насилием на дорогах Ауровиля, попросила продиктовать ей телефоны Службы безопасности и задала с десятков совершенно глупых вопросов. Салли отвечал невпопад, а под конец сказал, что всё можно прочитать в брошюрах, и с таким недовольством посмотрел на женщину, что та предпочла наконец забрать свою гостевую карту и уйти.

Парень, сидевший на подоконнике, в самом деле подошёл последним. Вблизи сходство показалось ещё более очевидным. Эти едва приметные ямочки на щеках, прямой нос и чуть изогнутые брови, будто навсегда застывшие в праздном недоумении. А главное, этот лёгкий прищур и скупая улыбка, отмеченная лишь уголками сухих губ.

Салли не мог пошевелиться. Напряжение стало невыносимым. Спрятав руки под стол, скovyрнул болячку на большом пальце. Не помогло.

— Мне нужен хостел возле этого дерева. — Парень положил на стол фотографию.

Сказал почти без акцента. «Даже голос похож...»

Салли взглянул на фотографию, и напряжение разом ослабло. По ногам и груди растеклось приятное бархатистое тепло. Салли размяк. Тело стало таким податливым, будто он несколько часов дремал на пляже, убаюканный жарким солнцем и солёным дыханием океана.

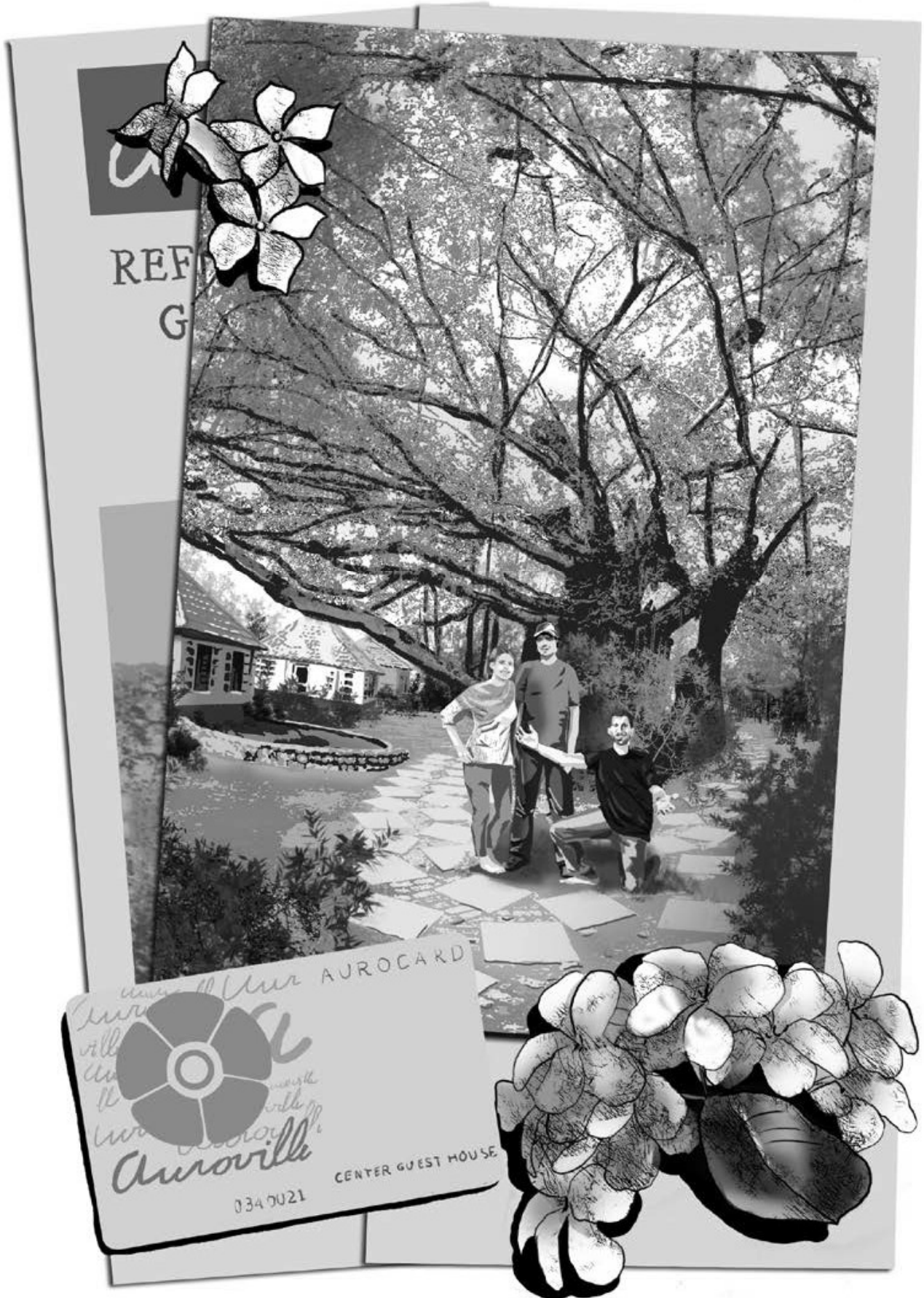
— Вы знаете, где это? — спросил парень.

— Конечно. — Салли подцепил ногтем фотографию.

Да, это дерево — старый баньян — ему было знакомо. Эта бетонная дорожка, эти каменные клумбы, одноэтажные домики с терракотовой черепицей. И эти три человека, с таким задором смотревшие в камеру.

— *Mysterium tremendum*, — прочитал он на обороте снимка. — Великая тайна, да?

Мама, отец, Сальников. 1998 год.
Никогда не видел маму такой счастливой

— Это далеко отсюда?

— Нет, что вы. У нас тут всё близко. По крайней мере, в границах Зелёного пояса.

Салли опустил голову — сделал вид, что ищет подходящий хостел в общем списке. Не хотел, чтобы его выдала улыбка. Никак не мог от неё избавиться.

Ожиданию в Ауровиле, кажется, пришёл конец.

Глава вторая. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Максим устал от духоты и постоянной жары, к тому же хотел спать, однако насторожённость взяла своё. Он опустился на колени. Поднял с каменного пола прозрачный кусочек пластика. Осмотрел его. Затем встал и прислонился к двери. Прислушался. Это была дверь в его комнату. Внутри слышалась тишина. Кажется, никого. «Паранойя». Никто не знал, где сейчас Максим. О поездке в Ауровиль, расположенный на две с половиной тысячи километров южнее Дели, он не рассказал даже маме, и всё же постоянно напоминал себе о необходимости бдительности.

Третий день в Индии. Максиму до сих пор казалось невероятным, что он улетел из Москвы. Впрочем, постоянная слезка, разбитая голова отчима, сломанные пальцы одного из сокурсников, наконец, исчезновение Погосяна, маминого друга из Русского музея, — всё это не оставило ему выбора.

Отец Максима в безумных мечтах о древних артефактах обокрал коллекционера Скоробогатова. Тот поначалу охотился за украденной у него картиной «Особняк на Пречистенке», однако, заполучив её, продолжил преследовать Максима и этим доказал, что Шустов-старший похитил у него нечто куда более ценное. И вот Максим прилетел в Индию, которая встретила его сорокаградусной жарой. Три дня назад, выйдя из-под кондиционеров аэропорта в Дели, он замер — почувствовал, что задыхается. Влажный воздух был густым, почти осязаемым. Тело мгновенно покрылось испариной.

Солнце, скрытое за липкой плёнкой облаков, почти не жгло и всё же слепило. Максим сдался первому из настигнувших его таксистов. Согласился заплатить пятьсот рупий, не слишком разбираясь, насколько честной была такая цена. Поездка из аэропорта в центр индийской столицы оказалась оглушительно хаотичной. Водитель без сомнений перестраивался с левостороннего движения

на правостороннее, останавливался на кольце поговорить со знакомым таксистом, с нескрываемым задором шёл на обгон машины, которая сама выехала на встречную полосу, чтобы в свою очередь обогнать перегруженный пассажирами автобус. У обочины мелькали запряжённые ослими телеги и велосипеды с двухметровыми пирамидами из связанных корзин или стогов сена. Едва прикрытые грязной тряпкой бедняки, погонщики скота, косматые чертенята-дети, попрошайки и торговцы ветхим скарбом успевали перекрикиваться с пешеходами, которые шли напролом через дорогу и не обращали ни малейшего внимания на надрывные сигналы вокруг.

Максим с немым удивлением следил за тем, как по заборам перебегают обезьяны с крючковатыми хвостами, как горожане не стесняются справлять нужду на тротуаре, толком не отвернувшись и потом беззаботно продолжая свой путь. Здесь всё казалось необычным, даже рекламные щиты и объявления: всюду висели предложения осветлить кожу, воспользоваться услугами электрического крематория или сходить в аквапарк, на плакатах которого радостные индийцы купались исключительно в одежде. Не менее странным было предложение сходить в Музей борьбы за освобождение, чтобы узнать о судьбе одного из сикхов, публично казнившего себя «во имя свободы индийского народа и защиты коров».

Максим не хотел задерживаться в Дели, поэтому в центре города первым делом нанял такси до Джайпура и купил авиабилет до Пудучерри. Если верить индийцу из билетной конторы, такой маршрут был самым дешёвым с учётом летнего наплыва южан и крикетных болельщиков — в эти дни они заполнили север Индии.

— От Пудучерри до Ауровиля близко, километров десять. Доберётесь без проблем.

— Сколько возьмёт таксист? — спросил Максим.

— До Джайпура шесть часов, — объяснил индиец. — И нужно платить налоги, пошлины за пересечение границ штата, сборы на платных трассах, вы же понимаете.

— Сколько?

— Две тысячи рупий, сэр.

«Тысяча восемьсот рублей», — прикинул Максим. Решил, что цена допустимая, и согласился. Вновь спрятавшись за стеклом автомобиля, он наконец расслабился. Знал, что до вечера никто его не потревожит, надеялся за это время обдумать первые шаги в Ауровиле. Ведь у него не было ни единой зацепки, если не считать старой фотографии ветвистого дерева и сведений о том, что в Ауровиле когда-то работало представительство отцовской «Изиды».

За городом Максима встретили разодетые в оранжевые одежды паломники-шиваиты. Они были повсюду, тянулись вдоль шоссе извитой линией, изредка перекрывали движение — пели, танцевали, размахивали пёстрыми флагами и обсыпали друг друга листьями и лепестками бенгальской айвы. Водители останавливались, терпеливо ждали возможности проскочить дальше, а рядом с машинами невозмутимо вышагивали чистые, вылощенные до бархатистости коровы с высокими рёбрами-шпангоутами и длинными блестящими рогами.

Изредка встречались отдельные богатые процессии — сгустки оранжевых красок. Они неспешно продвигались под гул барабанов в сопровождении множества танцующих и неизменно оканчивались тяжёлой повозкой, в которой неподвижным идолом восседал человек с белой бородой, в красных с бордовым одеждах и с непоколебимо святым видом. Максим рассматривал эти процессии. Не понимал сути происходящего, но с интересом подмечал каждую новую деталь, удивляясь собственному восторгу, из-за которого никак не мог сосредоточиться на мыслях об Ауровиле.

Когда машина останавливалась, к её окнам приближались нищие с грудными младенцами, с покорными до уныния обезьянками, с гроздьями зелёных бананов или бродячие факиры с облупленными, едва шевелившимися кобрами, которых они то и дело подбадривали щелчками по голове.

Поток паломников оставался неисчерпаемо густым на протяжении всего пути. Жители местных деревушек просили их о благословении, а каждые пять-семь километров устраивали для них широкие навесы, под которыми любой мог бесплатно отдохнуть от палящего солнца и поесть из общего котла. Под навесами шиваиты дремали

в невообразимой тесноте, прижавшись друг к другу, слившись в единую пыльно-оранжевую массу.

От водителя Максим узнал, что в праздник Шивы паломники отправлялись из родных городов к берегам одной из священных рек, Ганги или Ямуны, чтобы зачерпнуть в ведёрко воды, а затем пешим ходом, по возможности босиком, возвращались домой. Там они изливали воду на принадлежавшую семье статую Шивы, тем самым усиливая её способность защищать от невзгод и творить чудеса. Иные паломники проходили по несколько сотен километров. Их путь в губительной жаре и влажности мог затянуться на восемь-десять дней. Встречались и те, кто всю дорогу одолевал бегом, задерживаясь лишь на короткие ночёвки.

— Не всем хватает сил вернуться домой, — признался водитель.

Жара в самом деле стала гнетущей, припекало даже в машине с кондиционером. Коснувшись потолка, Максим отдёргнул руку, до того горячим тот оказался. Неудивительно, что дальнбойщики, припарковавшись на обочине, предпочитали отдыхать под днищами своих грузовиков.

К вечеру Максим добрался до Джайпура — «розового города», в котором закон уже больше века обязывал жителей строить дома исключительно из розового камня. Несмотря на это традиционное цветное однообразие, кварталы здесь были по-индийски цветастыми из-за броских, наклепленных друг на друга объявлений и рекламных плакатов. Распрощавшись с водителем, Максим заторопился в отель. Не хотел оставаться на улице. Стоило выйти из машины и вдохнуть дымную ароматность Джайпура, как интерес к индийской жизни ослаб. Недовольство и тоска по дому только увеличились, когда Максим увидел свой номер на первом этаже — тесную коробку, в которой немудрено однажды проснуться и обнаружить, что ты у себя в постели превратился в страшное насекомое.

Максим не мог уснуть и до первых сумерек простоял возле окна. На улице громко торговали крупой, орехами, пряностями. Над сточной канавой, не снимая сари — длинного куска ткани, обёрнутого вокруг тела и одним концом перекинутого через плечо, — мылилась и обливалась из тазика женщина. Рядом с ней, на тротуаре, работал

брадобрей: скользил опасной бритвой по шее очередного клиента, ничуть не заботясь о том, что в метре от его подвижного локтя проезжали машины и мопеды. Тут же его помощник скovyривал у другого клиента большую папиллomu в подмышке — оттягивал её пальцами и пробивал в основании иголкой.

Максим невольно задумался, как здесь, в Индии, чувствовал себя отец. И не только в Индии — везде, где ему довелось побывать во время бесчисленных и безумных экспедиций, от Африки до Южной Америки. Отойдя от окна, рухнул на кровать. Лежал с закрытыми глазами на затхлой простыне и пытался вообразить, как пройдёт встреча с отцом, если тот в самом деле окажется в Ауровиле. Готовился встретить его непроницаемым взглядом. Ни слова не говорить ему о том, как страдала мама, как в муках умирал дедушка. Главное, сбросить на отца историю со Скоробогатовым — пусть сам разбирается со своими долгами — и без промедления вернуться назад, к нормальной жизни.

А ведь у Шустова-старшего тут, в Индии, или в другом, не менее отдалённом уголке мира вполне могла появиться новая семья. «Плевать. Ко мне это не имеет отношения».

Что делать, если отца не окажется в Ауровиле, Максим не знал. Чего добивался Скоробогатов, почему так отчаянно искал следы Шустова? Как объяснить странности, связанные с картиной Берга, которую тот, если верить установленным датам, написал уже после своей мнимой смерти? Что означает символ, найденный на внутреннем слое «Особняка», да и сам изображённый там город? Наконец, зачем вообще отец оставил путаные подсказки, которые в итоге привели Максима в Индию? Слишком много вопросов, а вместо ответов — догадки, фантазии, подозрения и ничего более.

Погрузившись в тревожные мысли, Максим и не заметил, как уснул. На следующий день отправился напрямик в аэропорт, где провёл в ожидании почти четыре часа, прежде чем услышал о посадке на свой рейс.

В Пудучерри найти такси до Ауровиля не составило труда, и через сорок минут Максим уже стоял на входе в Гостевой центр. Администратор, неприятный мужчина, лицо которого было исполосовано глубокими шрамами и частично обожжено возле шеи,

опознал дерево на фотографии и сумел подобрать ближайший к нему гостевой дом.

Максим наспех заселился в номер и сразу отправился к баньяну, под которым двадцать лет назад сфотографировались такие улыбочивые мама, отец и его партнёр по «Изиде» Константин Сальников. По словам мамы, Сальников в своё время нянчился с маленьким Максимом, помогал ей справиться с чересчур резвым для своего возраста мальчишкой. Сейчас, оказавшись поблизости, он помог бы, многое объяснил бы... Вот только, если верить Покачалову, ещё одному партнёру отца по «Изиде», Сальников давно вышел из игры: *«У Кости была жена и дочка. И я видел, что с ними сделали. А потом они взяли за меня. Но мне повезло, да, повезло. А вот про Костю я с тех пор ничего не слышал».*

Вспоминая этот разговор, Максим ходил вокруг большого баньяна. Довольно низкую крону удерживали толстый ребристый ствол и десятки воздушных корней, некогда свисавших с веток, а теперь вросших в землю и превратившихся в самостоятельные стволы. Баньян почти не изменился, был таким же, как на фотографии. Максим остановился на том месте, где когда-то стоял отец. Замер. Прислушался. Будто надеялся, что произойдёт нечто важное. Будто ему было достаточно добраться до городка, указанного на отцовском глобусе, и разгадка всех тайн сама упадёт в руки. Но ничего подобного не произошло.

Максим без толку крутил подставку из-под глобуса. Вспоминал подсказку из зашифрованного письма: *«Когда мир лишится оков, оковы станут ключом, и ты расскажешь о своём путешествии, чтобы узнать мою тайну. А вместо крови прольётся вода».* Каким образом превратить оковы в ключ, Максим не понимал. Оставалось раз узнать что-нибудь о некогда работавшей здесь «Изиде». Ведь могли сохраниться архивы, письма, папки, хоть что-то! Но первым делом Максиму нужно было как следует выспаться. Он даже в Гостевом центре умудрился дважды задремать.

Максим неспешно вернулся в гостевой дом. Поднялся на второй этаж и тогда увидел, что перед его дверью лежит прозрачный кусочек пластика. Поднял его, сжал в кулаке. Прислонился к двери, но ничего

подозрительного не услышал. Помедлил в сомнениях. Наконец достал из рюкзака ключ.

Вошёл внутрь.

Заглянул в ванную. Прошёлся по комнате. Выглянул на балкон и с подозрением осмотрел заросли ближайших кустов, уже тонувших в сумраке надвигавшейся ночи. Затем перевернул кровать. Ничего не обнаружил.

Вновь посмотрел на кусочек пластика. Днём вырезал его из бутылки. Простейший маячок — закладываешь под дверную петлю, а вернувшись, сразу видишь, что у тебя побывали незваные гости.

Горничных тут не было. Постельное бельё предстояло сдавать и обменивать на чистое самостоятельно. Да и какая горничная пошла бы обслуживать номер, в который едва заселился новый жилец? Быть может, стандартная проверка? Мало ли что привёз новичок. Наркотики или оружие. Какую-нибудь запрещённую литературу. «Вот тебе и город свободы». В конце концов, уборщица могла заглянуть сюда по ошибке, перепутав этот номер с другим, где требовалась уборка после выселившегося постояльца. Такие объяснения отчасти удовлетворили Максима.

«Паранойя...»

И всё же, укладываясь спать, он обещал себе быть настороже и смотреть по сторонам. Ведь именно об этом просил администратор Салли в Гостевом центре: следите за уровнем бензина в баке и за тем, кто вас окружает.

— Спасибо за предостережение, — сквозь зевоту прошептал Максим.